

успела в мифологизации самой идеи, самого идеала социализма, отождествив деформированный теорией и практикой социализм с его идеалом. Как результат, в массовом общественном сознании произошел «эффект опрокидывания» положительного содержания социалистического идеала.

Основные социальные мифы прошлых лет сегодня чрезвычайно сильно выявляют свойство амбивалентности и в общественном сознании, и в действиях людей, что в конечном итоге сказывается на состоянии перестроечных процессов. Закрепленные в самых глубинных пластах психики людей мифологемы с положительным знаком, такие, например, как «наше общество — самое гуманное, справедливое в мире», «все во имя человека, все для блага человека», «человек человеку друг, товарищ, брат» и др. получили «эффект опрокидывания» и обернулись антиутопической действительностью. Их противоположное значение интериоризуется, усваивается сознанием. И этот процесс еще больше углубляется и расширяется под воздействием новых, уже перестроечных мифов. Особенностью последних лет является то, что в условиях гласности и демократизации, плюрализма мнений и устранения идеологического тоталитаризма они почти тотчас выявляют внутреннюю амбивалентность. Осознание сложившейся ситуации, сопоставление получаемых знаний с личностным опытом, с условиями и результатами социальных действий выражается в ослаблении убежденности в успехе перестройки.

Мы указали лишь на самые общие черты, детерминанты и последствия социального мифотворчества. В действительности они гораздо более многоплановые и многоуровневые, дальнейшее исследование их позволит углубить познание социальной действительности и таким образом сузить границы деструктивных действий.

¹ Рушди С. Стыд // Иностранная литература. 1989. № 9. С. 79—80.

² См.: Стёпин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 4.

³ См.: Лавров П. Л. Исторические письма. СПб., 1906.

⁴ Бакунин М. Бог и государство. СПб., 1906.

⁵ Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 1907.

⁶ Бердяев Н. Христианство и антисемитизм // Дружба народов. 1989. № 10. С. 207—208.

⁷ См.: Гуревич П. С. Социальная мифология. М., 1983.

⁸ См.: Кормер В. Ф. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 72—73.

⁹ Лебедев А. А. Последняя религия // Вопросы философии. 1989. № 1.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 108.

¹¹ См.: Социальное действие. Мн., 1980.

В. В. АНОХИНА

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В СТРУКТУРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Необходимость преобразования сложившихся способов взаимодействия с окружающей средой, обусловленная кризисом индустриально-урбанистической цивилизации, порождает глубинные трансформации в общественном сознании, связанные с формированием новых экологических идеалов и норм природопользования, со становлением качественно иных ценностных отношений между человеком и природой. В таких условиях возрастает роль исследований, посвященных проблемам социокультурной детерминации происходящих в общественном сознании изменений, и, в частности, направленных на изучение роли культурных традиций в данном процессе. В настоящее время целый ряд научных работ содержит анализ экологически значимых ценностей, составляющих содержание различных культурных традиций¹. Это позволяет говорить об изучении адаптивных возможностей исторических типов экологического сознания, отражающих локальную культурную специфику конкретных общностей и особенности осваиваемых ими сред. Поскольку для переходных состояний системы «общество — природа» характерно преобразование сложившихся прежде иерархий ценностей, особую актуальность приобретает исследование культурных традиций как специфических механизмов трансляции экологического опыта в условиях транзитивной эпохи, их функций в структуре формирующегося экологического сознания.

В философских исследованиях последних лет, посвященных данной проблематике, отмечается, что экологическое сознание представляет собой сложное многоуровневое образование, обладающее ярко выраженной адаптивной направленностью. Идеи, представления, ценностные ориентации и установки, входящие в его содержание, формируются в процессе отражения в общественном сознании конкретного коллектива характеристик окружающей среды, деятельности составляющих его членов по обеспечению оптимальных условий существования, а также связей и отношений между людьми, которые формируются на основе этой деятельности. Благодаря функционирующим в его структуре ценностно-нормативным элементам экологическое сознание обладает широкими возможностями регуляции и контроля за состоянием системы социоприродных взаимосвязей и определяет степень и направление человеческой активности².

Для экологического сознания доиндустриальных обществ, которое рассматривается в статье, характерно, что оно складывается на основе опыта непосредственных практических связей человеческого коллектива со средой обитания. В условиях, когда взаимодействие с природой основывается на естественных факторах производства и преобладании натуральной организации хозяйства, совокупность этих отношений выступает в качестве локальной экосистемы, пространственно ограниченной пределами освоенной конкретным коллективом территории с доминированием обратных связей. Это предполагает ориентацию экологического сознания архаических коллективов на устойчивые, исторически апробированные способы взаимодействия с природой.

В рамках локальной экосистемы значительная часть содержания экологического сознания определяется сложившейся в данном коллективе структурой жизнеобеспечения, осуществляемого по традиционным принципам. Сфера хозяйства и технологии практически всегда жестко связана с природными условиями, в которых существует человеческое сообщество, и в наибольшей мере, чем остальные элементы культуры, отражает уровень приспособленности именно к данным конкретным условиям. Вместе с тем благополучное существование архаических обществ зависит не только от успешного освоения природных условий, но и от социокультурного окружения, а также от различных изменений внутри собственной социальной организации. Поэтому экологическое сознание такого типа включает в себя идеалы и представления, относящиеся к различным сторонам социальной и духовной жизни. При этом все его составляющие ориентированы на моделирование наиболее благоприятных условий для развития конкретного коллектива.

Структуру экологического сознания доиндустриальных обществ невозможно представить в виде четко фиксированных уровней теоретического и обыденного сознания. Однако оно не является аморфным, расплывчатым образованием. Все его компоненты вполне определенно взаимосвязаны между собой и образуют единый комплекс. Абстрактно его организацию можно представить в виде концентрического образования с устойчивым и упорядоченным центром, пронизанным системой функционирующих в данном коллективе культурных традиций, а ближе к периферии располагаются в значительной мере неопределенные и неупорядоченные элементы, имеющие минимальную историческую глубину и связанные с постоянно расширяющимися контактами общества с окружающей средой. Этот слой постоянно ставит под угрозу целостность экологического сознания, так как именно здесь зарождается наибольшее количество новых знаний, представлений и инноваций в способах взаимодействия с природой.

В условиях повышенной зависимости от изменений окружающей среды способность коллектива к быстрой и эффективной адаптации определяется уровнем взаимосвязанности всех сфер общественной жизни, синхронизацией их развития между собой и соответствием этих процессов природным ритмам. На основании многочисленных исследований первобытной культуры можно сделать вывод, что организация архаического экологического сознания формировалась в процессе осмысления реальных совпадений календарно-астрономических циклов с двумя фундаментальными основами бытия древнейших сообществ — динамикой производственно-промысловой деятельности и динамикой воспроизводства человеческого коллектива³. Совокупность мифологических представлений о неразрывной связи человека с окружающим миром и постоянной зависимости человеческого коллектива от мифической жизни различных тотемов, составляя ценностное ядро экологического сознания, обеспечивала его устойчивую целостность. Мифологические

представления, направленные на преодоление противоречий и гармонизацию отношений между человеком, обществом и природой, выполняли по отношению к экологическому сознанию не только интегративную функцию, подчиняя его содержание единым конструктивным принципам, но также и функцию стабилизирующую. События мифического времени, утверждавшиеся в качестве некоторого эталона поведения и деятельности, ориентировали представителей архаических коллективов на сохранение традиционных способов взаимодействия с окружающей средой. Это находило свое выражение в господствующей установке экологического сознания на неизменность обычаев, в которых фиксировались наиболее устойчивые единицы экологического опыта. Освящаясь действующими мифами, такие обычаи становились частью логико-обрядового комплекса и воспроизводились из поколения в поколение в качестве позитивных или негативных (например, табу) экологических норм.

Наиболее существенные изменения в организации экологического сознания доиндустриальных обществ были связаны с разложением первобытно-общинного строя, значительным усложнением социальной структуры архаических обществ, возникновением новых социальных институтов, дифференциацией сфер духовной жизни и общественного сознания. Развиваясь на фоне расширения границ взаимодействия общества с окружающей средой, происходящего, в первую очередь, за счет совершенствования земледелия и животноводства, данные процессы приводили к разрушению прежнего единства экологического сознания первобытных коллективов. Анимистические верования, древние космологические культы по-прежнему составляли основное содержание архаического экологического сознания. Как и в эпоху первобытности, для земледельческих коллективов более позднего времени плодородие земли, вовремя выпавшие дожди, защита посевов от ветра и града, правильное времяисчисление имели жизненно важное значение. Это выражалось в комплексе обрядов и ритуалов в честь Земли, Неба, Солнца и других божеств и духов. Вместе с тем экологическое сознание, ценностное ядро которого составляли космологические мифы и племенные культы первопредков, играющая роль медиаторов в отношениях коллектива со средой, оказалась неспособным сохранить свою устойчивость в условиях значительного усложнения экосистем, расширения объема информационного поля, развития миграционных процессов, обуславливающих необходимость ассимиляции инородных культурных влияний. Система мифологических представлений, объясняющих мир с помощью принципа всеобщего генетизма в терминах сознательной воли и эмоций мифических персонажей, уже существенно ограничивала возможности приобретения и закрепления новых знаний, не могла обеспечить должную социальную стабильность и единство гетерогенных в культурном отношении обществ периода разрушения прежних племенных связей и становления государственности. В условиях повышенной неопределенности и трансформации прежних экологических систем задача культурного освоения новых природных и социальных факторов сопряжена с необходимостью сбережения всего ценного в прошлом экологическом опыте, сохранения преемственности развития экологического сознания в плане его гомеостатических возможностей. Поэтому функционирование культурных традиций в период качественных трансформаций экологического сознания направлено на сохранение целостности экологического опыта, обеспечение преемственности в развитии экосистем и их жизнеспособности. Культурные традиции, вплетенные в ткань экологического сознания, становятся средствами отбора и закрепления тех общественных идеалов и норм, которые с наибольшим успехом способны выполнить роль стабилизирующих и интегрирующих факторов, противостоящих росту энтропии в обществе. В экологическом сознании переходного периода активизируется внимание к древним эталонам, которым придается новый смысл благодаря включению в измененный культурный контекст. Если в мифологическом сознании первобытного коллектива установка на неуклонное следование воспринятым из прошлого образцам существует в невыявленной форме как общепринятая норма, не требующая специальной институционализации, то в зарождающемся типе экологического сознания раннеклассовых формаций такая ориентация специально закрепляется в культуре в качестве особого нормативного текста. Тем самым в содержание традиции закладывается определенное представление о механизмах ее функционирования и возможностях изменения.

В ценностных основаниях экологического сознания в процессе формирования нового структурного ядра, призванного обеспечить органичное внутреннее единство всех его многообразных составляющих, происходит постепен-

ное вытеснение на периферию магиико-мифологического комплекса, который продолжает сохраняться в виде локальных племенных культов, подчиненных единой элитарной культуре раннеклассового общества. В ряде крупных культурных регионов в этот период мифология демистифицируется и почти полностью растворяется в рациональных построениях исторического сознания. Центральное место в структуре зарождающегося типа экологического сознания занимает мантика, которая строится на основе рациональной классификации эмпирических знаний и многовековых наблюдений за природными закономерностями. Мантическая практика основывалась на постепенно возникающих в ткани культуры особых представлениях о мире, которые, в отличие от мифологических, не апеллировали к иррациональной сфере, воле богов и небесному року. Мир моделировался как вечный, единый и относительно стабильный универсум, в котором происходят циклические чередования двух основных начал и взаимопереходы явлений. Фиксация совпадения событий во времени и пространстве, мантика имплицитно содержала в себе идею взаимозависимости людей и природных сил, элементы каузальной интерпретации мира. Ее дальнейшее совершенствование и укрепление было связано с оформлением содержащихся в ее структуре мировоззренческих конструкций в систему рациональных философских принципов. На основе мантических традиций формировалась и особая методология, получившая в специальной литературе название нумерологической⁴. Используя классификационные схемы, построенные на идее параллелизма макрокосма и микрокосма, мантическая методология обеспечивала эффективное упорядочение и систематизацию новых экологических представлений, возникающих в процессе деформации прежних экосистем. Благодаря специфическому характеру символов, являющихся переменными классификационных схем, нумерологическая методология позволяла конструировать многомерные в смысловом отношении тексты. Обладая большими, по сравнению с мифологией и магией, синтезирующими возможностями, нумерологическая методология и развивающиеся в системе мантических представлений философские принципы обеспечивали целостность экологического сознания и преемственность его основного содержания даже в условиях значительных трансформаций социоприродных взаимосвязей. Цивилизации, в которых складывалось экологическое сознание, основывающееся на культурных традициях такого типа, приобретали высокие адаптивные возможности и большую временную устойчивость. Их экологическое сознание, обладая внутренней подвижностью и значительной информационной емкостью благодаря функционирующим в его структуре идеалам и ценностям, обеспечивало должный уровень регуляции и контроля в системе взаимоотношений общества с окружающей средой, позволяя последнему длительное время развиваться в условиях динамического равновесия социоприродного комплекса. Тщательный анализ экологического сознания такого типа, возникшего в процессе культурного становления человечества, может быть особенно полезным в условиях кризиса ценностных оснований современной индустриально-урбанистической цивилизации, когда конструируются возможные альтернативы ее дальнейшего развития.

¹ См.: Бромлей Ю. В. К изучению этнических аспектов экологии человечества // Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси, 1985. Вып. 22; Человек и мир в японской культуре. М., 1985; Казначеева Т. П. К вопросу о генезисе экологического сознания: На материале северо-кавказских культур. Ставрополь, 1982; Василенко Л. И. Экологическая ответственность, культурный традиционализм и «мир об Эдеме» // Проблема взаимодействия общества и природы. Рига, 1986 и др.

² См.: Гирусов Э. В. От экологического знания к экологическому сознанию // Взаимодействие общества и природы. М., 1986; Зеленков А. И., Водопьянов П. А. Динамика биосферы и социокультурные традиции. Мн., 1987; Они же. Нравственные императивы в структуре экологического сознания // Человек и нравственность в условиях перестройки. Мн., 1988; Палинчук Ф. Я., Платонов Г. В. Экологические отношения, сознание, деятельность // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1987. № 4 и др.

³ См.: Фролов Б. А. К истокам первобытной астрономии // Природа. 1977. № 8. С. 104. Его же. Биологические знания в палеолите // Природа. 1980. № 6. С. 58.

⁴ См.: Кобзев А. И. Особенности философской и научной методологии в традиционном Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., 1988; Карапетьянц А. М. «Чунь цю» и древнекитайский «историографический» ритуал // Этика и ритуал в традиционном Китае; Зинин С. В. Методологические проблемы изучения традиционной китайской науки // Древний и средневековый Восток. М., 1985. Ч. 1 и др.